

ГОСПОДИ И ВЛАДЫКО ЖИВОТА МОЕГО

Размышления о молитве

Владимир 1991

Господи и владыко живота моего...

РАЗМЫШЛЕНИЯ О МОЛИТВЕ

Когда в церквах начинается медленный, заунывный звон колокола, когда внутренность церквей приобретает траурный вид благодаря темным с серебряными галунами покровам на аналоях и св. престоле, и священники облачаются в такие же одежды— тогда наши храмы оглашаются словами чудной и глубокоумилительной молитвы, составленной преподобным Ефремом Сириным (т. е. из Сирии):

«Господи и Владыко живота моего! Дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми.

Дух же целомудрия, смиреномудрия, терпения, и любве, даруй ми, рабу Твоему.

Ей, Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь».

После каждой части этой молитвы делается великий (т. е. земной) поклон. По прочтении всей молитвы полагается делать 12 малых (т. е. поясных) поклонов, приговаривая про себя на каждом поклоне: «Боже, очисти мя грешного», — а затем опять читается вся молитва целиком, и в конце кладется один великий поклон.

Таким образом, чтение этой молитвы, по установленному церковному чину, сопровождается четырьмя великими и 12 малыми поклонами. Это одно уже показывает, какое особое значение придает наша Православная Церковь этой молитве.

Читается эта молитва только в Великом посту. Первый раз она читается еще в преддверии поста—в среду мясопустной—масляной седмицы, когда по уставу литургия не служится, а читаются часы по правилам Великого поста (по «Постной триоди»). То же бывает и в пятницу на той же неделе. Начиная с вечера следующего воскресения (сыропустного) и до среды Страстной седмицы, молитва преподобного Ефрема Сирина читается на всех великопостных службах, не исключая и Преждеосвященной литургии. В течение всего поста эта молитва не читается лишь по субботам и воскресениям.

Прежде чем перейти к самой молитве, я хочу обратить внимание на ту внешнюю обстановку, в которой совершается чтение этой молитвы.

Пост — время покаяния; время, когда Церковь предлагает своим верным чадам хотя бы на несколько дней, когда они говеют и готовятся к принятию Св. Тайн, всецело обратиться внутрь себя, сделать проверку своего духовного «багажа», проверку тех путей, которыми идет жизнь каждого из нас. И чтобы облегчить нам нашу задачу, Церковь ввела для великопостных служб особый чин: прежде всего, значительно уменьшено пение молитв, а заменено чтением. При пении труднее вникнуть в смысл слов. Часто и много читается Псалтырь, которая вся проникнута духом глубокого смирения, сознания своего бессилия в борьбе за спасение души, которая возгревает в душе веру, надежду и любовь к Богу. И то пение, которое остается в великопостных богослужениях, ведется в минорных (грустных) тонах, чтобы создать у молящихся тихое, мирное настроение и дать им возможность глубже вникнуть в свое сердце. Для этого же священнослужители и храмы одеваются в темные одежды. Редко открываются Царские врата, напоминая нам, что вход в Царство Божие закрыт для нас нашими грехами.

И вот, в такой обстановке, в конце каждой службы: вечерни, утрени, часов, изобразительных и повечерия — читается молитва Ефрема Сирина. Только в полунощнице она читается в середине службы.

Выходит священник без ризы, в одной темной эпитрахили, становится перед закрытыми Царскими вратами и начинает читать эту молитву.— Алтарь всегда знаменует собою Царство Божие. Оно закрыто для нас. Но из него вышел Сын Божий — Господь Иисус Христос,Который отложил, «совлекся» Своей божественной славы, принял на Себя человеческое естество во всей его полноте, со всеми его немощами, кроме греха (Евр. 4, 15), явился на земле в образе бедного назаретского плотника, чтобы спасти подвигом Своей жизни погибающее в грехах человечество. «В вас должны быть те же чувствования,—пишет

ап. Павел к филиппийцам,—какие и во Христе Иисусе. Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам, и по виду став как человек, смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (2, 5-8).— Вот об этом напоминает нам выход священника из алтаря без блестящих риз. И как Христос, в земной своей жизни, как бы предстоял перед дверьми рая, молясь об искуплении человеческого рода от власти диавола и греха, так и священник, стоя перед закрытыми Царскими вратами, молится о спасении нашем.

Наша скорбь и сокрушение о грехах не должны переходить в отчаяние. Пусть мы немощны; пусть наши страсти крепко сидят в нас и не легко поддаются искоренению.—Взгляните на священника, стоящего перед Царскими вратами, и вспомните о Христе Господе, Который победил диавола и искупил нас от грехов.— «Смерть! Где твое жало? Ад! Где твоя победа!» —вопрошает древний пророк Осия (13: 14). А Исаия говорит: «Поглощена смерть победою» (25: 8). И мы, оплакивая свои грехи, но с твердой верой и надеждой на спасение, будем повторять умом и сердцем вслед за священником слова молитвы:

«Господи и Владыко живота моего!»

В наш век, когда человеческая гордыня высится, подобно Вавилонской башне, до небес, пытаясь низвести Бога на землю, эти слова для многих покажутся странными и неприемлемыми. —Какой Господь? Какой Владыка? — Человек сам хозяин своей жизни! Счастье и несчастье в руках самого человека. Все идет по законам природы, и никто не может их изменить! Поэтому даже слово: Бог — стали писать с маленькой буквы. Посвергали царей и королей: никто, мол, над нами не должен властвовать! Никаких «величеств» не признаем! Мы сами будем строить свою жизнь!..

И многие, многие люди, даже считающие себя верующими, не хотят понять и принять того, что если Бог —не Господь и Владыка наших жизней, что, если Он не может сделать больше, чем все человечество вместе взятое, то Он уже не Бог, а бог с маленькой буквы, и кланяться ему то-же, что кланяться идолу, все равно, будет ли этот идол носить имя «Маммоны», «Перуна», «Солнца», «Человечества», «Прогресса», «Природы», или еще какое-нибудь другое.

Только детской верой в безусловное, неограниченное, всемогущее и благое владычество Бога над вселенной и нами мы можем приблизиться к Нему.

«Да святится имя Твое», — гласит прошение молитвы Господней. А что это значит? — Это значит, что имя Божие должно в нас вызывать благоговейный трепет, как имя Того, Кого мы признаем Господом и Владыкой своей жизни. И если бы наша праматерь Ева, в момент искушения от диавола: «Будете, как боги», — вспомнила, что только Бог, Которого она знала так хорошо, есть Господь и Владыка их жизни, и вместо того, чтобы поддаться диавольскому обольщению, ответила бы твердо: «Господь и Владыка наш есть Бог, и Он сделает нас богоподобными до конца, если Ему это угодно, а ты, диавол, отойди от меня!» —если бы, говорю, она так ответила диаволу, то ни она с Адамом, ни мы—их потомки —не мучились бы и не страдали так, как сейчас.

Не будем же стоять перед Богом с гордо поднятой головой, подобно евангельскому фарисею (Луки 18, 9—14), но смиренно преклоним голову перед Господом и Владыкой и со страхом Божиим, в душе произнесем следующее слово молитвы:

«ДУХ ПРАЗДНОСТИ... не даждь, рабу Твоему!»

Идеал современного человечества — поменьше работать, а побольше наслаждаться жизнью. Современная цивилизация изобрела много всяких удовольствий и развлечений, которые тешат наши чувства, возбуждают все большие и большие желания. Хорошо было бы ничего не делать, а только наслаждаться!..

И те люди, которые имеют возможность быть свободными от труда, проводят свою жизнь в праздности, а их фантазия выискивает все новые и новые способы заполнить пустоту жизни. Труд есть потребность человеческого духа, вложенная в нее Богом. Библия повествует нам, что Бог поселил наших прародителей в раю, чтобы возделывать его. (Бытия, 2 гл.). Любовь к праздности есть болезнь нашего духа. —Стремление к вечному покою Царства Божия выродилось, под влиянием греховных страстей, в стремление к телесному покою, к празднолюбию. Особенно опасно празднолюбие в области духовного труда. Борьба с нашими человеческими немощами и страстями требует еще большего напряжения духовных сил, чем житейская борьба за существование. В последней бывают перерывы: достиг человек желанной цели и может на некоторое время, а иногда и до конца жизни, успокоиться. В духовной борьбе перерыва не должно быть, так как всякий перерыв ведет к духовному снижению, к очерствлению сердца, к «оземлянению» души. Противники — люди могут отказаться от борьбы или мо-

гут быть, так или иначе, лишены возможности продолжать борьбу. Диавол — враг духовной нашей жизни — никогда не перестает бороться, и никто не может лишить его возможности пакостить нам. Он был извержен из Царства Божия, когда впервые восстал на Бога; тогда он обратился на Землю, чтобы здесь вредить людям, мешать Богу спасти человечество от вечной смерти. Он был вторично побежден Христом на Голгофе и во гробе; но он по-прежнему увлекает людей в свои сети, чтобы отвлечь их в свое царство вечной тьмы и скорби. Как говорит ап. Петр: «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить. Противостойте ему твердою верою» (1 Петра 5, 8—9).

Ложимся мы спать вечером и засыпаем после трудового дня, не предавши себя в руки Божии, не проверивши, хотя бы вкратце, свою жизнь за истекший день. И все грехи, соделанные нами днем, остаются неомытыми. Встаем утром — некогда молиться, надо спешить на работу. И трудимся в поте лица своего без Божьей помощи и утешения.

Так день за днем. Все толще и толще делается греховный слой на нашей душе, все крепче и крепче сковывается душа его крепостью, черствеет, теряет чуткость в различении добра и зла. Ум погружается в житейскую суету и перестает познавать истину, обольщается всякою «философиею и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу» (Колос. 2:8). Диавол торжествует! А все почему? — Да потому, что мы ленивы на духовное делание; ленивы мы потрудиться для спасения души своей. Мечтаем о покое телесном, мечтаем о радостях жизни земной, а не думаем о вечном покое, равнодушны к радостям духовным! Мы готовы и сверхурочно работать, если это нам приносит материальную выгоду. О, тогда мы не считаемся с усталостью, работаем, чтобы заработанные деньги потом употребить на телесные нужды, а часто — и на пустые удовольствия! А чтобы спасти вечную свою душу, которая, если не достигнет Царства Божия, то попадет в царство диавола (ибо в «жизни будущего века» нет середины: или с Богом или с диаволом!), — на это мы ленивы, отговариваемся усталостью, неимением времени и тому подобное. О, бесовское помрачение ума и сердца! — Что же дороже для вас: вечное или временное удовольствие, вечный или временный покой, вечная радость или вечная скорбь?..

Подумайте только о смысле этого слова: вечность. Вот мы скорбим ныне в нашем тяжком положении, но терпим, так как надеемся, что через несколько месяцев или лет все это изменится. Мы верим в эту перемену, считаем дни, месяцы, годы, и чем больше их остается позади, тем крепче надеемся на бли-

зящуюся перемену к лучшему. А вечность?.. — Увы, там мы не будем уже считать ни дней, ни годов. Тогда «времени уже не будет» (Откров. 10:6), и впереди и позади будет одна бесконечность без всяких перемен, и мы уже без сомнений будем знать, что ничто в нашем положении измениться не может. Сегодня, завтра, через 100, через тысячу лет,—все будет одно и то же. Кто будет с Богом, кто войдет в радость и блаженство Царства Божьего, тому это знание будет радостью и утешением. А кто будет с диаволом, тому как?..

Отвергнем же дух праздности от себя, возьмемся ревностно за труд духовный, за труд над возделыванием рая в наших душах, ибо если этого делать не будем, то в душе воцарится ад.—Вечный ад!..

Человек праздный, не занятый никаким делом, начинает скучать. Скука есть ощущение неудовлетворенности жизнью. Она является следствием того, что потребность к труду, к проявлению своих творческих сил и способностей в человеке не удовлетворена. Как часто мы в жизни видим, что люди, не занятые каким-либо серьезным трудом, порхающие, подобно мотылькам, от одного цветка удовольствий к другому, жалуются на скуку. Скука иногда так овладевает ими, что некоторые из них кончают жизнь самоубийством. Почему это? Казалось бы —скука не должна быть им знакома: театры, кино, женщины, карты, спорт, путешествия и тому подобные удовольствия —чего еще надо?..

Все эти удовольствия тешили лишь чувственную сторону их существа. Но созданная по образу Божию душа оставалась в загоне, в полном небрежении.

Бог—Творец, Бог — Разум, Бог — Знание, Бог — Любовь. И по этому образу Своему, Он создал и нас. И мы должны быть творцы, и мы имеем разум, и мы имеем и приобретаем знания, и мы имеем, должны иметь любовь! Все это в нас, как в творениях Божиих, ограниченно, требует с нашей стороны большой работы для развития и выявления этих качеств и способностей, но все это в нас есть. Поэтому те люди, которые небрегут образом Божиим, заложенным в нас, никогда не могут получить удовлетворения от жизни. Скука овладевает ими, иногда доводит их до отчаяния. Безнадежное уныние делает их жизнь невыносимой. И они, как я говорил выше, иногда кончают самоубийством.

Но не только люди праздные подвержены скуке и унынию. Часто люди серьезные, занятые, и даже люди, работающие над собой в духовной области, подвергаются этому искушению или от переутомления, или по действию диавола. —Вдруг ослабевает вера в целесообразность и полезность их дела; все кажется пу-

стым времяпрепровождением. В сердце появляется зависть к тем, которые живут весело, развлекаются, не должны много работать...

Тогда эти люди перестают заниматься своим делом, отпадают от своей ревности по собиранию духовных богатств, духовно опускаются. И если они не начнут бороться с унынием, то оно часто доводит до духовного самоубийства—разных духовных падений: духовно настроенный мирянин становится развратником или пьяницей, монахи бросают монастыри и уходят в мир, отказываясь от всех, данных при постриге, обетов и т. п. Недаром в подвижнических сочинениях св. Отцов обращено на уныние очень сильное внимание! — Страшное это искушение —уныние!

При первых его признаках, как только прозвучит в сердце слово: «скучно»,—надо вооружаться против него усиленной работой, гнать это слово от себя, просить у Бога помощи:

«Дух... УНЫНИЯ... не даждь ми, рабу Твоему»

Часто этот дух уныния овладевает человеком от скрытой гордости: почему это я должен только подчиняться, а не могу повелевать другими? Чем я хуже тех, которые управляют нами?— Хочется человеку командовать, приказывать, учить. А так как это ему все же не удается, то он впадает в уныние или же начинает заводить смуту в обществе, всячески подрывая авторитет власть имущих, чтобы как-нибудь выбраться наверх—к власти. Так бывает в общественной жизни, так бывает и в пределах отдельных учреждений — государственных и частных: интриги, «подсиживания» друг друга и т. п.

Забывают люди слова Ап. Иакова: «Братия мои! не многие делайтесь учителями, зная, что мы подвергаемся большему осуждению» (3:1). Ап. Иаков писал об учителях церковных, но его слова приложимы ко всякому начальнику. Учитель церковный должен не только учить, но и исполнять то, что он проповедует другим. Начальник должен не только приказывать и требовать, но и быть примером для подчиненных в исполнении всех правил. У него есть не только права, но и обязанности. Ему много дано, но с него и больше спрашивается. Поэтому не всякий человек может быть хорошим начальником, а еще менее — истинным учителем. Трудное дело— начальствовать или учительствовать! Лучше для нас исполнять заповедь Ап. Павла: «Итак прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков, за царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте» (1 Тимоф. 2, 1—2). Отсечем у диавола возможность ввести нас в уныние; отсечем у самих себя свою гордыню твердой верой, что Господь поведет

нас Сам по тому пути, на котором мы сможем удобнее всего достигнуть спасения души своей и входа в Царство Божие. Помолимся, Господу и Владыке наших жизней:

«Дух...ЛЮБОНАЧАЛИЯ... не даждь ми, рабу Твоему»

И обретем мир душам нашим, и мир в нашем взбаламученном обществе.

Мы все критикуем, все осуждаем, всем недовольны. С утра до вечера наш язык неустанно работает: и во время отдыха, и во время работы, и во время еды; идем ли мы, едем ли, стоим ли, лежим ли— наш язык мелет и мелет всякую суету. Даже в храме Божием стоя, мы говорим иногда слова молитвы, не чувствуя сердцем, не сознавая разумом смысла слов молитвы... А наша современная литература, а наши кино и театры—все это, в большинстве случаев, тоже сплошная суета! О чем угодно говорят и пишут, кроме того, что «едино на потребу»: о Боге, о любви, о душевном и сердечном мире. Вот, теперь все говорят «о мире всего мира». Но исполняется с человечеством пророчество одного из древних пророков: «Когда будут говорить: мир и безопасность, — тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно, как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут» (1 Фессал. 5:3).

Почему это все так? — Да потому, что языком говорим, а сердцем не чувствуем! Проповедуем всякие красивые идеи, а исполнять их не собираемся. Говорим о мире, таим в сердце вражду и месть. Говорим о нравственности, а Евангелия не знаем и не читаем. Говорим о любви, а знаем одну чувственность и т. д. Мы оторвались от Бога, мы, «без руля и без ветрил», носимся по стихиям мира, по прихотям наших страстей и колеблещегося разума. Мы думаем, что своим многословием оправдаем или прикроем свои беззаконные поступки.

Но, вспомним слова Христа Господа: «От уст твоих сужду ти, лукавый рабе» (Лук. 19 : 22). То, что мы говорим, не исчезнет в вечности бесследно. Если мы говорим о любви, а в жизни мстим тем, которые нас обидели; если мы говорим о нравственности, а в жизни не руководствуемся нравственным законом, данным Богом; если мы говорим о высоком достоинстве человеческой личности, а в жизни, при общении с людьми, унижаем наших ближних и т. д—то мы будем судимы на последнем Суде словами уст своих, так как если мы говорим о добре, значит знаем о нем; а если знаем о нем и не делаем его, значит мы занимаемся празднословием. А Христос сказал: «Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и

от слов своих осудишься» (Мф. 12:36—37). Празднословие не есть только переливание из пустого в порожнее, а есть всякое слово, не оправданное делами жизни. **Поэтому и молитва, произносимая одними устами, но не чувствуемая сердцем, не осознаваемая разумом и не осуществляемая в жизни — будет празднословием.**

Будем же внимательны в своих словах, будем же избегать говорить то, что в нас самих и в слушающих нас может возбудить злые, грешные или нечистые мысли и желания. Скажете: трудно, невозможно! — Как же жить и не говорить? Говорить можно, но празднословить нельзя! Говорите только то, что вы искренно чувствуете, и не старайтесь в жизни лишь «играть роль» хорошего человека. А вообще, выражаясь словами препод. Иоанна Лествичника, «молчание всегда полезно». Трудно удержать язык! — «Язык укротить никто из людей не может»,—говорит Ап. Иаков: «это—неудержимое зло; он исполнен смертоносного яда». А несколько раньше он возвещает: «Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело» (Иак. 3:2, 8).

Но не будем унывать, а вспомним слова Христовы: «Человекам это невозможно, Богу же все возможно» (Мф. 19:26), и припадем к Нему со смиренной и слезной мольбой:

«Дух... ПРАЗДНОСЛОВИЯ не даждь ми, рабу Твоему».

И запечатлеем нашу мольбу земным поклоном в знак того, что мы сознаем свою вину во всех этих грехах, искренно каемся в них и обещаем Господу и Владыке наших жизней приложить все усилия к исправлению своей жизни.

Но в духовной жизни нельзя оставлять пустых мест в душе, так как иначе искорененная страсть вернется с новой силой, овладеет опять нами и будет вертеть нами хуже, чем раньше. Об этом говорит Сам Христос: «Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит. Тогда говорит: возвращусь в дом свой, откуда вышел. И пришед, находит его не занятым, выметенным и убранным. Тогда идет и берет с собой семь других духов, злейших себя, и вошедши живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого» (Мф. 12, 43—45).

Поэтому, очищая душу от страстей, мы должны насаждать в ней противоположные добродетели. — Употребляя свои усилия для цели, будем, опять-таки, молиться Богу:

«Дух же ЦЕЛОМУДРИЯ... даруй ми, рабу Твоему!»

Что значит это слово: целомудрие? — Обыкновенно, в житейском обиходе, это слово употребляется в смысле половой воздержанности. Но свв. Отцы и учители Церкви придают ему очень широкий смысл, а именно: общей духовно-нравственной дисциплинированности человека. И в таком смысле надо помнить это прошение в молитве св. Ефрема Сирина. Для того, чтобы избавиться от духа праздности, уныния, любоначалия и празднословия, недостаточно одной только телесной чистоты, так как девственник или девственница может любить праздность, впадать в уныние, страдать любоначалием и быть празднословом. Но если человек умеет сдерживать не только свои животные плотские инстинкты, но и другие желания сердца; если он умеет направлять свои мысли только к добру; если он обуздает свой язык, не злословит ближнего, не оскорбляет его руганью и другими оскорбительными для ближнего словами, то он будет воистину целомудренным. Тогда страсти душевные и телесные не смогут овладеть его волей, и он, как добрый рулевой, направит корабль своей жизни к тихой пристани Царства Божьего.

Без целомудрия в этом широком смысле слова, невозможно достигнтуь и другой добродетели, о которой просим мы в молитве св. Ефрема: — смиреномудрия.

Смиреномудрие или смирение есть, собственно, основная предпосылка для того, чтобы человек мог вступить в общение с Богом. — «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать», — говорит премудрый Соломон в своих «Притчах» (3 : 34), и это повторяют в своих посланиях апостолы Иаков (4, 6) и Петр (1 Пет. 5, 5). И Христос Сам сказал: «Блаженны нищии духом ибо их есть Царствие Небесное» (Мф. 5:3). «Нищии духом» это те, которые не видят своих достоинств, а считают себя хуже всех окружающих. И притчу о мытаре и фарисее Господь закончил следующими словами: «Всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лук. 18, 9—14). А в другом месте Христос предлагает нам научиться у Него, «Ибо Я кроток и смирен сердцем» (Матф. 11:29). Можно много мест привести из Нового Завета, где говорится о необходимости смирения, без которого невозможно достигнуть Царства Небесного.

Все это звучит для нас, гордых сынов двадцатого века, совершенно дико, неприемлемо. — Как? Мы, вооруженные знаниями, достигшие разложения атома, создавшие аэропланы, летающие с необыкновенной скоростью и т. д. и т. п. — мы вдруг должны признать себя ничтожными существами?.. Да, если хо-

тим попасть в Царство Божие. Ибо в него вводит не наше мирское знание, не наши изобретения, не наука о вселенной, а знание, наука о добродетелях духовно-нравственных. Пусть человек откроет способ делать золото или составит какой-нибудь «эликсир жизни» —это его не спасет, если этот изобретатель не преклонит колен и главы своей перед Господом и Владыкой жизни своей и не скажет из глубины сердца:

«Дух же... СМИРЕНОМУДРИЯ... даруй ми, рабу Твоему!»

Ибо всякое знание, всякое дарование—от Бога, и дается людям для того, чтобы они могли возделывать рай на Земле. — «Мудр ли и разумен ли кто из вас? Докажи это на самом деле добрым поведением с мудрою кротостью. Но если в вашем сердце вы имеете горькую зависть и сварливость, то не хвалитесь и не лгите на истину. Это не есть мудрость, нисходящая свыше, но земная, душевная, бесовская; ибо где зависть и сварливость, там неустройство и все худое», —говорит ап. Иаков (3:13—16). А дальше он рисует точную картину нынешней жизни, так называющих себя «культурных наций». «Откуда у вас вражды и распри? Не отсюда ли — от вожделений ваших, воюющих в членах ваших? Желаете — и не имеете, убиваете и завидуете — и не можете достигнуть; препираетесь и враждуете —и не имеете, потому что просите не на добро, а чтобы употребить для ваших вожделений» (4:1—3).

Не то же ли происходит и в нашей жизни? Каждый из нас гордится, надувается, хочет показаться больше, чем он есть на самом деле и, в конце концов, лопается, как мыльный пузырь! Но пока лопнет — сколько шуму, свар, мути вносит он в жизнь, сколько змеиного яда изрыгнут его уста!..

Гордости много у нас, а духовно-нравственного целомудрия, увы, — очень не хватает. А потому особенно должны мы молиться, чтобы Господь дал нам целомудрие, и смиреномудрие.

Труден, однако, путь добродетели! Каждый шаг надо отвоевывать у нашего врага-диавола. Ни на минуту нельзя положить оружия, ибо каждую малейшую нашу оплошность ловко использует хитрый и сильный враг.

«Итак, станьте, препоясавши чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обувши ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым вы сможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите и меч духовный, который есть слово Божие; всякою молитвою молитесь во всякое время духом, и старай-

тесь о сем самом со всяким постоянством», — говорит ап. Павел. (Ефес. 6 : 14—18). И на этом пути духовной, невидимой брани нам надо особенно вооружиться терпением. Без терпения и земная брань невозможна. Пример у нас перед глазами: англичане и американцы три года терпели поражения, пока, наконец, собрались с силами и победили немцев. А наш народ в 1917 году недотерпел нескольких месяцев, и, перед самым переломом военного счастья на нашу сторону, устроил революцию, плоды которой и жнет до сих пор. Так и в духовной брани нужно терпение. Сорвался, упал, не унывай, поднимайся, вооружайся и терпеливо продолжай брань.

К одному древнему подвижнику — старцу пришел один монах и сказал: «Отец, что мне делать? — я пал!» — «Подымись!» —ответил старец. Спустя некоторое время опять пришел тот же монах и сказал: «Отец, я опять пал». — «Опять подымись», — коротко ответил старец. Пришел к нему тот же монах в третий раз с той же исповедью и получил тот же ответ. — «Но, отец, до каких же пор подыматься?» —спросил монах. —«До тех пор, пока будешь падать», — ответил старец.

Так подвизались истинные ревнители «Царства Божия и правды Его» (Матф. 6 : 33). Будем же и мы подражать им, молясь непрестанно Богу:

«Дух же... ТЕРПЕНИЯ... даруй ми, рабу Твоему!»

Целомудрие, смиреномудрие, терпение и всякая иная добродетель образуют в душе человеческой дивный букет, имя которому — любовь.

«Итак облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благость, смиреномудрие, кротость, долготерпение... более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства», — пишет ап. Павел (Колос. 3 : 12, 14).

Эта «совокупность совершенства» в человеческой душе означает вселение в нее Бога, ибо «Бог есть любовь» (1 Иоанн. 4, 8, 16). Как бы мы ни подвизались на духовном поприще, какие бы дарования не имели, но если в наших душах не расцветает любовь к ближнему (не только по крови, но и ко всякому человеку), значит наш подвиг недостаточен, значит есть в нем какой-то дефект.

Ап. Павел, в первом послании к коринфянам, пишет о том, что все христиане, вся Церковь есть тело Христово, а каждый христианин в отдельности — член этого тела. И чтобы тело это могло бы жить и действовать в мире —«иных Бог поставил в

церкви, во-первых — апостолами, во-вторых —пророками, в-третьих — учителями; далее, иным дал силы чудодейственные, также исцелений, вспоможения, управления, разные языки». — Но все это необходимо для жизни и действия Церкви в мире, но не составляет еще совершенства носителей этих дарований и Церкви в целом. А потому он говорит: «Ревнуйте о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший» (12, 27—31).

Какой же это путь? —Это путь любви. Без нее никакие дарования не значат еще ничего. «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я —медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества и знаю все тайны, имею всякое познание и веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я — ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, —нет мне в том никакой пользы» (13 : 1 — 3).

Как, — скажут некоторые: если человек имеет такие дарования, если он раздаст все имение и даже свою жизнь отдаст на служение людям, не значит ли это, что он имеет любовь, что он совершен? — Нет, не значит! Вспомните тургеневского Рудина: как он красиво говорил, какие высокие идеи проповедовал, сколько воодушевления было в нем во время этих речей... Увы! — сделать что-нибудь, осуществить в своей жизни свои идеи он не мог, ибо не было в нем того двигателя, который претворял бы его слова в действие; не было у него любви к людям, а была лишь самовлюбленность! И какой был конец Рудина? — Он погиб на парижских баррикадах, по-видимому, не отдавая себе ясного отчета, во имя чего он жертвует жизнью. Это был скорее жест отчаяния, но не жертва любви. —«Жертва жизнью — есть легчайшая из всех жертв»,— сказал где-то Достоевский. И Рудин принес эту жертву, ибо иной жертвы —деятельного подвига любви на благо ближних — он совершить не был в состоянии; как я уже сказал, у него не было любви к ближним, а была лишь самовлюбленность, и ей он принес в жертву свою жизнь. Это граничит уже с самоубийством! «Лишний человек» — назвала его критика. И это очень верно: человек без любви в душе — всегда и всюду будет лишним.

Люди без любви создать, творить не могут. Инженер, врач, художник, писатель, мастеровой и т. д. —если не имеют любви к своей профессии, не могут ее возвышать, совершенствовать, а делают все по готовым шаблонам, лишь бы извлечь из своего дела материальную выгоду.

Лев Толстой, казалось, да и кажется еще многим, был апостолом любви. Но посмотрите на плоды его проповеди, на его конец. — Они свидетельствуют, что у него, как и у Рудина, была

лишь самовлюбленность, упоение своей славой, своим положением учителя. Именно про таких «учителей» и сказал Христос: «Все же дела свои делают с тем, чтобы видели их люди... Так же любят предвозлежания на пиршествах и председания в синагогах, и приветствия в народных собраниях, и чтобы люди звали их: учитель! учитель!».

Он предостерегает от них и их примера: «А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель—Христос, все же вы братья; и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах; и не называйтесь наставниками, ибо один у вас Наставник — Христос».

И дает сейчас же признак истинного наставника и учителя: «Больший из вас да будет вам слуга». (Матф. 23 : 5—11).

Как же, спросит читатель, различить истинную любовь от всяких подделок? Ап. Павел в том же месте дает признаки истинной любви: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит, любовь никогда не перестает, хотя пророчества прекратятся и языки умолкнут и знание упразднится... А теперь пребывают сии три, вера, надежда, любовь; но любовь из них больше. Достигайте любви, ревнуйте о дарах духовных» (13, 4—14, 1).

Вдумайтесь в эти слова апостола и вы увидите, что истинная любовь действительно есть «совокупность совершенства». Проследите слово за словом и вы найдете в любви все добродетели: долготерпение, милосердие, независтливость, смирение, трудолюбие, (у ап. Павла «бесчинный» или «бесчинствовать»— значит жить на чужой счет, а не руками добывать свой хлеб. См. 1 (Фес. 5, 14, 2; Фес 3, 6 — 12), кротость и незлобие, миролюбие, приверженность к истине и правде и твердое постоянство. Из трех основных «китов» духовно-религиозной жизни: веры, надежды и любви, последняя есть наибольшая; она есть, как говорит преподобный Авва Дорофей в своих «Беседах», крыша дома добродетелей, которая венчает все здание и всего его объемлет и покрывает. Без крыши дом не достроен, и обитать в нем нельзя. Без любви—добродетели не совершенны, и Бог не живет в таком доме.

Указанные выше свойства любви обязательны не только для любви христианской к ближним; они обязательны и для любви родителей к детям и наоборот, и для любви супружеской, и для любви между братьями и сестрами. Чем больше всякая любовь заключает в себе признаков, указанных апостолом Павлом, тем она прочнее, светлее и радостнее.

Если любовь не несет с собой мира и радости, это не настоящая любовь, а самообман или же буйство плотских вожделений. «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение; боящийся не совершен в любви» (Иоанн. 4 : 18).

И действительно: если любовь имеет все качества, указанные апостолом Павлом, то где место страху, где место страданию? «Любовь, не ищет своего», она на все готоав, чтобы доставить радость и мир своему объекту —тому, на кого она обращена. И даже жертвы, которые она ради этого приносит, доставляют ей не муку, а светлую радость!..

А теперь, пусть каждый проверит себя и —сознавши, что дом его добродетелей еще далек от покрытия его крышей любви— будет до кровавого пота на челе молиться Господу и Владыке:

«Дух же... ЛЮБВИ даруй ми, рабу Твоему»

И совершим опять земной поклон в знак нашей усиленной мольбы ко Господу.

Окончена могла бы быть молитва, но, вспомнивши слова Христа: «Если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешений их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Матф. 6, 14—15), — продолжим еще нашу молитву: «ЕЙ ГОСПОДИ ЦАРЮ!» «Ей» — это, своего рода, заклинание, дерзновенная (но, отнюдь, не дерзкая) попытка заставить Господа и Царя даровать нам то, без чего ничтожно будет наше покаяние, не действительна наша молитва.

Так и надо произносить это «ей»: с твердостью и дерзновением, смело и уверенно!

В чем же мы заклинаем Господа?

«Даруй ми ЗРЕТИ моя прегрешения!»

В чем мы будем каяться, если не увидим своих грехов? А чтобы их узреть, надо иметь духовный разум, духовное рассуждение, духовную мудрость; надо иметь просвещение словом Божиим, чтобы при свете его осмотреть все уголки своей души, обновить чуткость нашей, огрубевшей в суете и житейской борьбе, совести. Только Слово Божие — Христос может просветить наш разум и совесть, ибо Он — «Свет истины, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (См. Иоан. 1, 1—9).

И если мы, по милости Слова Божия, узрим свои прегрешения, осознаем их не только разумом, но и восчувствуем сердцем, тогда мы сможем принести истинное покаяние. Это — одно. А второе: мы перестанем осуждать ближнего, так как наша совесть, при виде согрешающего ближнего, скажет нам: я каждый день и каждый час впадаю в еще худшие согрешения! И вместо осуждения мы сможем, может быть, помолиться о согрешающем ближнем нашем. Да будет с нами так! А потому помолимся Господу Царю:

«Даруй ми НЕ ОСУЖДАТИ брата моего!»

И с твердою верою в то, что мы получим все просимое, мы благословляем Господа и Царя: «ЯКО БЛАГОСЛОВЕН ЕСИ ВО ВЕКИ ВЕКОВ. АМИНЬ!»—Да будет так, Господи и Владыко! Да будет нам по молитве нашей и по вере нашей!

«Боже, очисти мя грешного! Боже, очисти мя грешного! Боже, очисти мя грешного!» (12 раз —для усиления покаянного чувства).

И снова читаем всю молитву целиком, сопровождая ее лишь крестным знамением. Читаем ее всю снова, чтобы собрать все ее мысли в своем сердце и вознести это сердце «в пренебесный и мысленный жертвенник» перед престолом Господа и Царя. И затем кладем великий поклон, спрашивая милости, чтобы молитва наша была принята Господом и Владыкой «в воню благоухания духовного»:

«Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою, воздеяние руку моею — жертва вечерняя». Аминь.

Печатается по изданию: «Православное слово» МОНАХ ИВАНОВ.
Господи и Владыко живота моего...
Размышления о молитве
Вып. 5-й
Нью-Йорк
1964

Зак. 1258

Переиздано по заказу Владимирской Епархии

Издательский отдел Владимирской Епархии